

ДИСПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ОТ ГИПОТЕЗЫ К КОНЦЕПЦИИ

А. Г. АСМОЛОВ
Москва

Подготовленная В. А. Ядовым и коллективом его сотрудников фундаментальная монография¹ представляет собой итог более чем десятилетнего исследования роли диспозиций разных уровней в регуляции поведения личности.

При знакомстве с книгой сразу же бросается в глаза такая довольно редкая для коллективных трудов черта, как целостность, возникающая благодаря наличию единого логического стержня работы. Читая одну за другой различные главы исследования, становишься свидетелем процесса развития научной гипотезы и превращения ее в концепцию. В процессе развития гипотезы об иерархической диспозиционной структуре как механизме регуляции социального поведения можно условно выделить три периода. Первый период — рождение гипотезы о диспозиционной структуре. Авторы четко очерчивают, ради разрешения каких задач они привлекают данную гипотезу, какие факты дают основание для ее выдвижения и в чем, собственно, она заключается. Второй период — это период разработки гипотезы. Проведенный цикл социально-психологических исследований сталкивает гипотезу о диспозиционной структуре с реальным фактическим материалом, на оселке которого последовательно опробуются основные логические допущения. И наконец, третий период: обретшая реальность и измененная на основе полученных данных гипотеза начинает уже работать на своих создателей. Через призму гипотезы о диспозиционной структуре начинают объясняться факты рассогласования вербального и реального поведения и предпринимается попытка прогнозирования социального поведения личности. Такова общая логическая композиция данной монографии.

Предмет исследования, задачи и основные положения гипотезы об *иерархической структуре диспозиций личности*, развиваемой В. А. Ядовым, детально описываются в первой главе (В. А. Ядов совместно с А. А. Семеновым). Анализируя разные подходы

к изучению личности, авторы раскрывают свою точку зрения на специфику предмета социально-психологического исследования личности. Только двигаясь от специфических особенностей деятельности индивида, реализующей его отношение к миру, подчеркивают они, можно выделить социально-конкретные черты личности, изучить личность как *социальную индивидуальность* и предсказать систему ее поступков. Можно ли прогнозировать поступки личности, исходя из учета конкретных социальных обстоятельств, в которых она живет, и тех общественных функций, которые она выполняет? Достаточно ли для прогнозирования поведения личности даже самого четкого знания мотивационно-потребностной сферы личности и ее индивидуально-природных особенностей? Факты часто наблюдавшихся противоречий между намерениями, высказываниями людей и их реальным поведением как бы доказывают всю тщетность попыток предсказания поведения исключительно на основе учета лишь одного из указанных видов детерминации поведения и толкают к поиску такой единицы личности, в которой бы в единстве существовали оба вида детерминации. В качестве единицы анализа социальной индивидуальности авторы избирают диспозицию — предрасположенность субъекта к оценке и определенному способу поведения, являющуюся психологическим выражением взаимоотношения потребностей и конкретных условий деятельности. Вводя такое понимание диспозиции, авторы опираются на классические работы по психологии

установки Д. Н. Узнадзе и таких его последователей, как Ш. А. Надирашвили, разрабатывающих представление о существовании различных установок, на разных уровнях психической активности, а также на развиваемое в школе А. Н. Леонтьева положение о том, что только опредмеченная потребность может определить направленность деятельности субъекта.

Целый ряд фактов, обнаруженных в социально-психологических исследованиях установочных образований и ценностных ориентации, приводит В. А. Ядова к гипотезе об иерархической структуре диспозиций личности. Иерархические уровни диспозиций являются производными от двух взаимодействующих между собой рядов — иерархического ряда потребностей и иерархического ряда условий деятельности, в которых могут быть опредмечены потребности личности. Феномен иерархии потребностей описан в различных психологических концепциях. Наибольшие разногласия и споры, по поводу этого феномена разгорались всегда, когда речь заходила о выделении критерия классификации потребностей, о принципе построения их иерархии. Таким принципом для авторов является принцип членения потребностей по направленности в различные сферы активности, а критерием классификации — «последовательное расширение границ активности личности, источник которой со стороны субъекта — потребность в достижении двух противоположных целей: слияния с социумом и выделения своего «я» в качестве автономной единицы» (с. 21).

В качестве критерия для установления иерархии условий деятельности авторами принимается *длительность времени*, в течение которого ситуацию деятельности можно рассматривать как относительно устойчивую. В соответствии с этим критерием выделяются уровни предметных ситуаций, группового общения, разных сфер социальной деятельности (труд, досуг, семейная жизнь) и общих социальных условий образа жизни. При взаимодействии потребностей и условий деятельности в личностной структуре образуются следующие уровни диспозиций: элементарные фиксированные установки, социальные фиксированные, установки, общая направленность интересов личности и система ценностных ориентации на цели жизнедеятельности и средства их достижения. Диспозиции разных уровней предопределяют, в свою очередь, иерархию уровней поведения личности. Фиксированные элементарные установки детерминируют простейшие поведенческие акты, социальные установки — поступки, общая направленность — поведение, ценностные ориентации — жизнедеятельность в целом. То же, какая диспозиция предопределяет поведение в актуальной ситуации, зависит от стоящей перед субъектом цели. Так, в очень схематичной форме может быть изложена суть гипотезы об иерархической структуре диспозиций личности.

Во втором периоде развития гипотезы авторы выбирают конкретный объект изучения (работа и досуг инженеров проектных организаций), разрабатывают процедуры исследования и затем подвергают тщательной проверке допущения, положенные в основу гипотезы. В монографии изложению этих моментов развития гипотезы посвящены главы II, III и IV. Широкий набор оригинальных методик, использованных авторами, подробно описан в приложении к монографии.

Главный итог проведенного исследования можно было бы резюмировать так: в целом гипотеза о существовании иерархической структуры диспозиций подтверждена. И лучшим доказательством того, что данная гипотеза верно схватывает основные черты реального положения вещей, представляются именно те факты, которые привели к ее существенной модификации. Особого внимания заслуживает вывод том, что в действительности уровень общих интересов доминирует на вершине диспозиционной иерархии личности и выступает как координатор целевых ценностей. Первоначальное положение авторов о ценностных ориентациях как о высшем уровне иерархии было бы безусловно оправданным в том случае, если бы они описывали не социальную индивидуальность, а некоторый тип личности, отвечающий, по выражению А. Н. Леонтьева, «только знаемым» мотивам — стереотипам жизненных идеалов и ценностей. Человек может знать нормативно

предписываемую систему ценностей и даже осознавать их в качестве желаемых образцов, но эти ценности вовсе

не обязательно возвышаются до уровня смыслообразующих реально действующих мотивов поведения, определяющих его вовлеченность в различные сферы деятельности. Поэтому основным в вопросе о роли ценностей в регуляции поведения личности нам представляется то, превращаются ли они из объективной системы аксиологических понятий, из обезличенных «значений» (А. Н. Леонтьев) в «значения-для-меня», характеризующие индивидуальность личности. В связи с этим внесенное авторами изменение в представление об иерархии уровней является, на наш взгляд, кардинальным, поскольку за ним стоит переход от анализа нормативной личности к анализу социальной индивидуальности.

Не менее интересным представляется выявленная авторами закономерность, свидетельствующая об относительной автономности ситуативных социальных установок от вышележащих диспозиционных образований. Так, например, выяснилось, что ситуативные социальные установки не зависят от структуры ценностно-ориентационных образований. Эти факты, казалось бы, вступают в явное противоречие с таким требованием к иерархической диспозиционной системе, как согласованность по содержанию диспозиций разных уровней. Однако это «отклонение» от целостности диспозиционной системы как раз и является еще одним доказательством реальности и действенности в поведении такой системы. Оно наглядно иллюстрирует сформулированный Н. А. Бернштейном принцип о предельной «неуступчивости» организма к изменению существенных черт его поведения, присущих высшим уровням иерархии управления, и «уступчивости» по отношению к несущественным особенностям поведения, которые поэтому всегда индивидуальны и неповторимо вариативны. Подобная их вариативность обеспечивает гибкое приспособление к сиюминутно изменяющимся условиям среды, носящее чисто реактивный характер.

Трудной задачей при изучении динамики диспозиций высших уровней является варьирование условий деятельности, актуализирующих эти диспозиции, поскольку эти условия устойчивы во времени и стабильны. Однако известно, что кризисы развития зрелой личности неизбежно сопровождаются перестройкой системы ценностей. В связи с этим авторы и обращаются к стрессовой ситуации, ускоряющей изменение условий деятельности и тем самым позволяющей проследить взаимосвязь между этими условиями и сдвигом диспозиций. Полученные при исследовании онкологических больных данные подтверждают положение о координирующей роли высших диспозиций. Раскрытие зависимости изменения высших диспозиций от общих социальных условий, а низших — от частных обстоятельств повседневной деятельности подводит итог периоду проверки гипотезы о диспозиционной системе. Гипотеза превращается в концепцию.

Концепция о системно-диспозиционной регуляции социального поведения личности в заключительной части монографии выступает одновременно в двух ипостасях — как объяснительный принцип, с помощью которого анализируется проблема соотношений между диспозициями и поведением, и как предмет исследования, поскольку при анализе данной проблемы уточняются представления о характере функционирования диспозиционной системы. Изучению взаимоотношения между диспозициями и реальным поведением личности посвящены две завершающие главы книги (В. С. Магун; В. А. Ядов, Г. И. Саганенко). Обсуждая вопрос о причинах рассогласования между диспозициями и поведением, авторы вводят чрезвычайно важное и эвристичное различие диспозиций по основанию их связи с поведением: реально регулирующие поведение диспозиции и «называемые» при опросе диспозиции. В связи с этим расчленением видов диспозиций предлагается рассматривать всю проблему диспозиционно-поведенческих соотношений в

рамках двух моделей — «парадигмы реализации» и «парадигмы осознания и коммуникации (между испытуемым и исследователем)». Необходимость подобного расчленения не вызывает сомнений. Оно опирается на фактический материал психологических исследований, в которых вскрыто различие между реально действующими и только «знаемыми» мотивами. В пользу такого разведения говорит и знакомый специалистам по психологии личности факт расхождения между скрытыми от сознания мотивами действий и мотивировками, которые представляют собой проявление защитных механизмов личности. Однако самым веским аргументом в пользу указанного расчленения является то, что в исследовании лучше зарекомендовали себя методики, обеспечивающие адекватную диагностику подлинных регуляторов поведения субъекта. В целом анализ проблемы соотношения между диспозициями и реальным поведением, проделанный авторами на широком массиве эмпирического материала, продемонстрировал возможность прогнозирования социального поведения личности на основе модели системно-диспозиционной регуляции.

Подводя итог всему сказанному, можно с уверенностью заключить, что коллективная монография составляет принципиально новый этап в развитии представлений о механизмах регуляции социального поведения личности. Нет сомнений в том, что данная книга, объединенная целостной, постоянно развивающейся концепцией и оснащенная богатым арсеналом оригинальных методик, станет настольной книгой любого современного специалиста в области социальной психологии и психологии личности.

¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова: — Л.: Наука, 1979.— 264 с.